

СЬЮЗИ ТЕЙТ

Авантюристка

18+

Горячий шоколад. Зарубежная коллекция

Сьюзи Тейт
Авантюристка

«Азбука»

2024

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Тейт С.

Авантюристка / С. Тейт — «Азбука», 2024 — (Горячий шоколад, Зарубежная коллекция)

ISBN 978-5-389-33179-2

Лотти едва сводит концы с концами – большая часть уходит на то, чтобы платить по счетам и заботиться о младшей сестренке, девочке с особыми потребностями. Поэтому когда она теряет голову от Оливера, герцога Букингемского, приходится напомнить себе: он герцог, а она просто его уборщица. И ей во что бы то ни стало нельзя потерять эту работу. Олли же не может перестать думать о Лотти. Остроумная, забавная, бойкая и восхитительно неуклюжая, она проносится по дому словно ураган. Он понимает, что ни один работодатель не может думать о сотруднице в подобном ключе, однако... Остановиться нет сил. Но каждый раз, когда они, кажется, становятся чуть ближе, Лотти ускользает прямо из его рук. Кто же девушка, которая вот-вот завоюет его сердце? Как хочется верить, что не очередная коварная авантюристка, позарившаяся на его состояние.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-33179-2

© Тейт С., 2024
© Азбука, 2024

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сьюзи Тейт Авантюристка

Susie Tate
GOLD DIGGER

© Susie Tate, 2024

© Бадьярова И., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление
Издательство АЗБУКА®, 2026

* * *

СЬЮЗИ ТЕЙТ

Авантюристка

Глава 1

Вверх тормашками

ЛОТТИ

Аристократы – люди чудные. Живут в огромных домах, где слишком много комнат и слишком много туалетов. В том смысле, что туалетов в домах аристократов в пять раз больше, чем людей. Абсурд абсурдный, но я не жалею. Пусть себе чудят, если благодаря этому я буду получать хорошее жалование. Потому что несметное число сортиров в доме аристократам, может, и нравится, а чистить их – стопроцентно нет. Тут на сцене и появляюсь я.

Но в тот конкретный день на пути моей работы (уборщицей аристократических туалетов) возникло небольшое препятствие в лице тощей восьмилетней девчонки, которая отказалась идти в школу, сославшись на боль в животе. Перед тем как свернуть в квартал богачей, я легонько сжала ее руку, потом присела перед ней на корточки. Сердце екнуло, когда я увидела слезинку, текущую у нее по щеке. Она куталась в теплый пуховик, но под низ надела пижаму и прижимала к груди Кита, плюшевого пони, отчаянно нуждавшегося в стирке.

– Так, малыш, помнишь наш план? – спросила я, аккуратно вытерла ей слезинку, потом положила руки на маленькие плечики. – Будет похоже на игру в прятки, только прятаться тебе придется очень-очень долго. Ты ведь книжку свою еще не дочитала?

Хейли покачала головой, огромные карие глаза серьезно смотрели с веснушчатого личика. Я вздохнула, сердце у меня снова екнуло. Хейли достаточно натерпелась. Раз у нее заболел живот, значит, она заслужила провести день дома со мной, в тепле, устроившись на диване с бутылкой газировки, а не тащиться по замерзшему Лондону и потом прятаться в огромном, страшном доме аристократов, пока я чищу туалеты. Вот только я знала, что живот у Хейли болит в основном от ненависти к школе, и рисковать этой работой не собиралась. Конкретно эти аристократы платили жалование намного выше среднего, и я просто не смела показаться ненадежной. Даже если бы я могла позволить себе отказаться от сегодняшней смены, а я не могла, риск потерять работу был слишком велик. Сводить концы с концами становилось все труднее, а подушки безопасности ни у меня, ни у Хейли нет и никогда не было.

– Я тебе в сумку вкусностей наложила. Все твои любимые и бутылка газировки. Но если думаешь, что тебя может вырвать, наверное, лучше подождать и поесть, когда вернемся домой. – Пожалуйста, господи, пожалуйста, пусть ее не тошнит у аристократов! На прошлой неделе при мне к ним приходила дизайнер и порекомендовала кушетку за четыре тысячи фунтов. Если вычурный удлиненный диван стоит четыре тысячи, мне придется пахать годами, чтобы компенсировать ущерб от рвоты восьмилетки. – Как твой живот?

Хейли сморщила веснушчатый нос и, подняв руку, жестом показала, что так себе. Я снова вздохнула.

– Малыш, отвечать нужно словами, – мягко напомнила я. Хейли смотрела мне в глаза, но тут потупилась и поддела камешек гравия носком мехового ботинка. Мне претило доставать Хейли, но я боялась, что, если не заставлять кроху говорить, ее голосовые связки атрофируются от бездействия.

– Все хорошо, – наконец ответила Хейли, но ее слабый голосок почти утонул в окружавшем нас городском шуме, хотя мы были на тихой улице (аристократы обитают на тихих зеленых улицах Лондона: гул автобусов, выхлопные газы, визг шин и крики предназначаются нам, простым смертным). – Меня не вырвет, обещаю.

В носу зашипало – я притянула Хейли к себе и крепко обняла, зажав пони Кита между нами. Часто-часто моргая, я сдержала слезы. По возможности я старалась не плакать при Хейли. Она должна была считать меня сильной и надежной. Ее уже достаточно подвели взрослые, не умеющие справляться. Мне не хотелось, чтобы Хейли и меня считала способной ее подвести.

Убедившись, что слезные протоки под контролем, я отстранилась, чтобы встать. Снова взяв Хейли за руку, я расправила плечи и повернула к Букингем-сквер. Расположенный в самом сердце Кенсингтона, Букингем-сквер прекрасен: большие красивые здания окружают маленький частный сад в центре. Чтобы пользоваться тем огороженным садиком, нужно быть резидентом Букингем-сквер. Ничего похожего на общественный парк за углом нашей многоэтажки: частный садик – это ухоженные розы и взрослые деревья, а не иглы от использованных шприцев, выжженная трава, банки из-под пива и бездомные. Я пока не отважилась попросить ключ от садика, чтобы, например, съесть там ланч, и ограничивалась тоскливыми взглядами через забор. Маленький оазис природы в самом центре Лондона, для меня посмотреть на такой даже издали – как душой согреться. Хейли застыла перед внушительным Букингем-хаусом. Глянув на нее, я увидела, что она вытаращила глаза и разинула рот.

– Он огромен! – прошептала кроха; бесконтрольно вырвавшиеся слова свидетельствовали о ее шоке. – Ты вроде говорила, они не королевская семья?

– Нет, малыш, – ответила я, волоча ее к боковому входу для прислуги. Чем дольше мы здесь околачивались, тем больше было шансов на то, что нас поймают. – Королевская семья живет в Букингемском дворце, помнишь? Букингем-хаус – это другое.

Умолчала я о том, что в очереди на престол резиденты Букингем-хауса стоят не так уж далеко. Герцог шел тридцать пятым в последний раз, когда я его гуглила. Вспомнив герцога, я содрогнулась. Моя одержимость им давно вышла из-под контроля. Но покажите мне здоровую женщину, которая, работая на такого мужчину, воздержится от легкого киберсталкинга. Почти нечеловечески красивый, почти королевская особа, влиятельный, мультимиллиардер, если верить «Википедии»; он в довершение всего был мастером юмора, похлеще моего, по сухости сравнимого с пустыней. Только вряд ли герцог стал бы блистать своим юмором передо мной. Он едва на меня смотрел. Я была прислугой, а потому почти невидимой для богоподобных существ вроде герцога Букингема.

Хотя пару раз я чувствовала, что меня видят. На прошлой неделе я вытряхивала мусор из ведра в углу кухни, когда вошли герцог и его жуткий зятек Блейк. Меня они, как обычно, игнорировали, обсуждая встречи, которые провели в тот день, но потом Блейк проговорил:

– Прости, старик, но шансов вписаться нет. – Его аристократический выговор разносился по кухне. – Можешь попробовать влезть, но всем участвующим будет очень неприятно.

Я пыталась, я правда пыталась, но соблазн был слишком велик. Поэтому, не успев сдержаться, я пробормотала:

– Слова моей бывшей.

Проблема была в том, что, хотя раньше я ругалась как сапожник, мне удалось отучиться от этого после того, как ко мне переехала Хейли, но шикарный прикол про «слова моей бывшей» буквально напрашивался, и я не устояла. Я закусил губу, надеясь, что ни один из них не услышал (в конце концов, прислуге полагается быть максимально невидимой, как домовым эльфам в «Гарри Поттере»). Я постаралась быстренько ретироваться, но, когда обернулась и бросила взгляд на герцога, он стоял ближе, чем прежде, и голубыми глазами пригвождал меня к месту. Блейк, хвала небесам, явно ничего не слышал и болтал о каких-то других пустяках, совершенно не подозревая, ни что его шурин пялится на меня, ни что я вообще существую. Но герцог продолжал пялиться, а я будто к месту приросла. В итоге одна из его черных бровей взлетела вверх, уголок сексапильного рта изогнулся, и, клянусь, я чуть не потеряла сознание

от приступа похоти прямо там, на кухне, держа в руках мешок с мусором, пахнущим вчерашним карри.

А потом все раз – и кончилось. Герцог снова посмотрел на Блейка, а я вдохнула столь необходимый мне кислород, потому что весь наш безмолвный разговор простояла, затаив дыхание. Выскакивая из кухни, я чувствовала, как лицо горит от смущения. Зачем было привлекать к себе внимание? То есть если уж привлекать внимание герцога, то лучше делать это не в лосинах и не в футболке для уборки с драным вырезом, кричавшей о моей любви к группе Take That, и не когда собранные на макушке волосы делают меня похожей на нелепый ананас, а в руках мешок с вонючим мусором. Когда ты прислуга, привлекать внимание работодателя вообще не стоит. Мне доказала это последняя работа уборщицей: глава семьи казался неплохим парнем, пока не начал вторгаться в мое личное пространство. Какое-то время я считала себя параноиком или гиперчувствительной особой, но в один прекрасный день он схватил меня за задницу.

Вот до чего меня довела веселая болтовня с работодателями; это стало одной из причин, по которой я теперь не высывалась, хотя при мысли, что герцог схватит меня за задницу – или за любую другую часть тела, – начинала кружиться голова. Этот парень был воплощением влажных фантазий и эротических снов. Уж я-то знаю: мои сны были полны им под завязку. Вот еще один результат моего ночного киберсталкинга и засыпания с мечтами о том, как он позовет меня в свой крутой, весь в темном дереве и винтаже кабинет, схватит за косынку, которую я повязывала на голову, и перегнет через свой тысячелетний, бесценно-антикварный стол. Ох уж эти последствия гиперактивного воображения и разочарования от несуществующей интимной жизни! Высоким голубоглазым качкам, которые носят безупречные костюмы и стильные щетины, в моей жизни места не было. Мне следовало думать о выживании.

И вообще, Стыдобень Со Стремянкой, случившаяся пару недель назад, доказала мне, что, в отличие от предыдущего работодателя, у нынешнего прикосновения ко мне вызывают не тягу, а самую настоящую аллергию. Это было в порядке вещей, хоть и смущало до жути. По крайней мере, так я себе говорила.

Сейчас я позволяла себе общаться с ним лишь во время ежедневной шахматной партии. Не то чтобы мы садились играть. Просто шахматная доска всегда стояла в салоне, и, когда убирала его, я каждый раз делала ход. А к следующему дню неизменно видела, что сделан ответный ход. Пока я вела по партиям со счетом три – два.

Мы с Хейли юркнули через черный ход на кухню. К счастью, прислуги в такую рань еще не было. Либо аристократы готовили завтрак сами, либо до обеда довольствовались крепким кофе из своих навороченных кофемашин. Я предполагала, что верно второе. По огромному коридору мы поспешили к двойным дверям гостиной. У этих людей не залы и спальни, нет – у них сплошь салоны и гостиные. И тех и других в этом доме было навалом, и, как ни печально, самый маленький салонишко площадью превосходил всю нашу квартиру. Скользнув за двери, я потащила Хейли к винтовой лестнице в углу большой комнаты с высоким потолком. В центре огромного пространства друг напротив друга стояли разнообразные кресла и неудобные на вид парчовые диваны; с одной стороны был большой камин, с другой – высокие окна с видом на сад.

– Наверх! – шепнула я Хейли, жестом велев ей лезть первой. Ступеньки были крутые, а я славилась неуклюжестью. Если упадет Хейли, пусть лучше приземлится на меня; если рухну я, за собой сестренку увлечь незачем. В мезонине стояли ряды полок с книгами, в центре – бильярдный стол. Поскольку полки занимали в основном энциклопедии, необходимость в которых, благодаря интернету, отпала много лет назад, а в бильярд с перекладной не играют века с девятнадцатого, Хейли там вряд ли обнаружили бы. Поэтому она устроилась в уголке на диванных подушках, которые я притащила наверх, и прижала к себе Кита, а я помогла ей снять пуховик и накрыла ее им, как одеялом.

– У нас все получилось! – шепнула я, стараясь, чтобы в голосе звучала радость, а не огромное облечение, которое я на самом деле испытала. – Весело было, да? Секретная миссия выполнена!

Мне хотелось, чтобы Хейли считала все это игрой и не слишком переживала. Вот только девчонкой она была наблюдательной, совсем как я. Мы обе умели оценивать людей и окружающую обстановку со сверхъестественной точностью. Социальный работник назвала это сверхбдительностью. Видимо, для людей нашего круга это норма. Хейли замечала и напряжение у меня в плечах, и беспокойство у меня в глазах. Растянув губы в фальшивой улыбке, сестренку не обманешь.

Я прижала ладонь к центру своей груди, потом к центру груди Хейли – это было нашим невербальным «Я тебя люблю». Хейли слабо улыбнулась, и о большем я просить не могла. Широкие улыбки и хихиканье из репертуара сестренки исчезли, но я твердо решила их вернуть. В общем, я поцеловала ее в лоб и встала с колен, чтобы спуститься по винтовой лестнице.

К сожалению, я сошла только наполовину, когда в коридоре послышался низкий бархатный голос. Голос звучал все ближе. Когда двойные двери распахнулись и голубые глаза заглянули в мои, я сделала то, что умею лучше всего: оступилась и полетела вверх тормашками.

Глава 2

Поставьте полироль на место

ОЛЛИ

Когда наши взгляды встретились, ее шоколадно-карие глаза на миг расширились и я почувствовал знакомую вспышку возбуждения, в присутствии этой девушки начисто выбивавшегося из-под контроля. А потом она, конечно-конечно, упала. Никогда не встречал таких растяп, как Лотти Форест. Только недавно я застал ее на треклятой стремянке в гостиной. Когда я рывкнул: «Что вы там делаете, черт подери?!» (признаю, идея была не лучшая), стремянка закачалась и рухнула набок, а я едва успел подхватить Лотти.

Держать Лотти на руках тоже было не лучшей идеей с точки зрения подавления этого нелепого влечения к ней. Румянца на ее щеках, изумленно приоткрытого рта, мягкости ее тела, льнущего к моему, вместе со свежим цветочным ароматом хватило, чтобы у меня закружилась голова, а кровь разом хлынула вниз. Как, черт подери, эта одетая в мешковатый комбинезон девушка с мультипирсингом ушей, растрепанными золотисто-медовыми волосами, которые она вечно собирала на макушке и прятала под цветастую косынку, и полным отсутствием макияжа вызвала у меня такую бурную реакцию (особенно с учетом того, что к своей гламурной, аккуратной, непринужденно сексапильной бывшей я почти ничего не чувствовал), было полной загадкой. Моя бурная реакция так меня шокировала, что едва Лотти спустилась на пол, я отпихнул ее, как горячую картошку.

– Осторожнее, мать вашу! – гаркнул я.

– Я не грохнулась бы с этой чертовой лестницы, если бы вы не влетели сюда и не начали на меня орать! – гаркнула в ответ она, и я почувствовал новый прилив влечения к ней. Обычно Лотти вела себя тихо и почтительно. Я регулярно замечал в ее глазах огонь, но она почти никогда не выходила за рамки скромной уборщицы. Сам факт того, что Лотти мне ответила, слишком меня взбудоражил. Но после минутного молчания ее лицо мертвенно побледнело, огонь в глазах погас и она потупилась.

– Извините, сэр, – пробормотала она. – Вы, конечно же, правы. Я буду осторожнее.

– За каким дьяволом вам понадобилось влезать на стремянку? У вас же явно беда с координацией.

Шоколадно-карие глаза снова заглянули в мои, на миг в них вспыхнул тот же самый огонек, но Лотти тут же сомкнула веки и покачала головой, словно торопясь его потушить.

– На потолке паутина. Я ее снимала. Ваша мать велела...

– Вы работаете не на мою мать, – перебил я. – Вы работаете на меня. Никаких больше стремянок.

Не поднимая глаз, Лотти отступила на шаг, и от вида расстояния между нами у меня сжалось сердце. «Не позволяй ей отходить!» – шептала какая-то важная часть моего сознания. Отступление Лотти казалось совершенно неправильным.

И вот Лотти снова упала, и на этот раз меня не оказалось рядом, чтобы ее поймать. Я подоспел, когда она уже рухнула на деревянный пол, приземлившись на ногу, потом сильно сдавила запястье вытянутой руки.

– Черт подери! – выругался я и присел на корточки рядом с Лотти, от тревоги выражаясь неоправданно резко. – Да с вами чаще всех на планете происходят несчастные случаи! – Одну руку я положил ей на плечи, другую вытянул, чтобы откинуть назад волосы, в кои-то веки выбившиеся из нелепого узла. Лотти отшатнулась от меня, и пока она отодвигалась, у

меня снова возникло то безумное чувство потери. Я стиснул зубы от раздражения, но когда ее полные слез глаза заглянули в мои, внутри у меня все перевернулось.

– Простите, – мягче проговорил я. – Веду себя как кретин.

На лице у Лотти отразилось удивление, и я почувствовал себя еще большим кретином.

– Эй, вы как, ничего?

– Я в порядке, – соврала Лотти, откашлялась и смахнула слезу со щеки.

– Давайте помогу вам подняться, – предложил я, протягивая руку.

– Я же сказала, что я в порядке, – сквозь зубы процедила Лотти, игнорируя мою протянутую руку, потом поморщилась, когда попробовала встать, опираясь на ушибленное запястье.

– Лотти, вам нужно... – Я снова потянулся к Лотти, но она откатилась от меня, чтобы переместить вес на другую руку.

– Я в порядке, – повторила она уже увереннее, зачем-то оглянулась на мезонин, потом снова посмотрела на меня. – В помощи не нуждаюсь.

– Ладно-ладно, – пробормотал я, поднимая руки.

– Оливер, ты здесь? – Мы оба вздрогнули, услышав голос моей матери. – Ой, Лотти, вы в порядке? – спросила мама, когда Лотти встала, опираясь на неповрежденную руку. Нагружая лодыжку, она старалась не морщиться от боли.

– Нет, мама, она не в порядке, – ответил я. – Она упала с лестницы.

– Боже! – вскричала мама и через комнату бросилась туда, где лицом к лицу стояли мы с Лотти. – Ну что за незадача?! Лотти, дорогая, вы в порядке? Может, нужно?.. – Мама осеклась, ее взгляд на миг поднялся к мезонину. Она слегка нахмурилась, наклонила голову набок, потом сделала большие глаза и перевела взгляд на меня. Я почувствовал, что недоуменно хмурюсь, и уже хотел повернуться и выяснить, что же привлекло мамино внимание, когда она рявкнула: – Оливер!

– Да, мам? – отозвался я после большой паузы.

Мама закусил губу и глянула на Лотти, которая побледнела пуще прежнего. Откашлявшись, мама снова посмотрела на меня.

– Ну... думаю, тебе стоит вернуться к работе. Я отвезу Лотти в травмпункт.

– Марго, я, честное слово, в порядке! – вставила Лотти, в высоком голосе которой слышалась явная паника. Я нахмурился. Легкая непринужденность в разговорах с моей матерью резко контрастировала с жесткой формальностью по отношению ко мне. Я давным-давно просил ее звать меня Олли, но она настаивала на «сэре». Хотя бы «ваша светлость» больше не называла. – В этом нет необходимости. Всего-то пара синяков. – Лотти улыбнулась, превозмогая боль, которую я видел в ее лице, и мне захотелось ее встряхнуть.

– Ни в каком вы не в порядке! – терпение таяло, мой голос звучал резко. – Вы скатились по гребаным металлическим ступенькам. Вам нужно...

– Вот честное слово... – перебила Лотти, сняла с запястья одну из множества резинок и снова закрепила волосы на макушке, явно стараясь задействовать неповрежденную руку. С беспричинным разочарованием я наблюдал, как длинные золотисто-медовые кудри снова заключаются в эластичную тюрьму. Я и не подозревал, какие длинные у Лотти волосы и как они обрамляют ее нежное личико. – Если можно, я хотела бы вернуться к работе. – Лотти двинулась к уборочной тележке, но поврежденная лодыжка подвернулась, и она захромала.

– Прекратите! – гаркнул я, но Лотти уже по обыкновению меня проигнорировала. – Лотти, я серьезно. Моя мать права. Вам нужно сделать рентген запястья и лодыжки. – Поврежденной рукой она вытащила из тележки полироль и заковыляла к серванту, чтобы протереть пыль. Чертова уборка! Я подошел к ней и осторожно взял за локоть, стараясь не обращать внимания на то, что между ее голой кожей и моей рукой буквально искрило. Я собирался помочь ей сесть на диван, чтобы она разгрузила лодыжку, но упрямыца отшатнулась от меня и чуть не упала снова. – Лотти, – предостерегающе позвал я, – поставьте полироль на место

и позвольте мне отвести вас к дивану, чтобы вы подняли ушибленную ногу. – От боли на ее лице у меня екнуло сердце. Ну почему она так упрямится?

– Ваша светлость, – начала Лотти, и у меня руки сжались в кулаки. Отлично, мы снова несем ахинею с «вашей светлостью»! – Я в полном порядке. Мне не нужно ни поднимать ногу, ни делать рентген.

Я раздосадованно всплеснул руками, когда Лотти, хромя, обошла меня, чтобы снова взяться за уборку.

– Мисс Форест, я не знал, что у вас медицинское образование, – я говорил тихо, Лотти стояла сбоку от меня, но почти уверен, что она закатила глаза.

– Я и без медицинского образования понимаю, что, обратившись в больницу, потрачу чужое время, – процедила Лотти сквозь зубы, запоздало добавив: – сэр.

Потом эта упрямая идиотка, явно стараясь не хромать, перенесла вес на ушибленную лодыжку. На сей раз она побледнела и не смогла сдержать гримасу боли. Когда она покачнулась, я понял, что с меня хватит.

– Достаточно! – рявкнул я, шагнул вперед и, подхватив Лотти за ноги, оторвал ее от пола. Она потрясенно охнула, когда я развернулся, крепко прижимая ее к груди.

– Мамочки, что вы творите?! – спросила Лотти испуганным шепотом, когда я осторожно положил ее на диван и быстро отступил. Я откашлялся и сунул руки в карманы.

– Олли, дорогой? – вмешалась мама. – Нельзя просто так брать прислугу и швырять ее на мебель. Это же прошлый век, хотя, почти уверена, такое даже твой прапрадед не одобрил бы.

Глянув на мою маму, Лотти начала поворачивать ноги, чтобы опустить их на пол. Ладно, может, то, что я сделал, было не совсем прилично, только я больше не собирался видеть эту ужасную боль на лице Лотти. Поэтому, прежде чем ее ступни коснулись пола, я вытащил руки из карманов, наклонился, обхватил ее стройные ноги, поставил их обратно на диван, притянул лежавшую сбоку думку и подложил ей под стопы. Этот неожиданный маневр заставил Лотти откинуться на спинку дивана. Она уставилась на меня в полном недоумении.

Мама негромко фыркнула, полагая, это был смешок.

– Я сам отвезу Лотти в больницу, – объявил я, и Лотти разинула рот в полном шоке.

– Дорогой, а разве у тебя не назначена встреча с девелоперами? – вмешалась мама, и Лотти посмотрела на нее с благодарностью.

Что, черт подери, не так с этой девушкой? Я предлагаю отвезти ее в больницу на осмотр. Я, Оливер Хардинг, герцог Букингемский, предлагаю уборщице отвезти ее в больницу, а она смотрит так, словно у меня растут рога. Женщины и, будем честны, люди в целом склонны считаться с моими желаниями.

– Никуда вы, сэр, меня не повезете, – проговорила Лотти, в глазах которой снова загорелся огонек. – Я останусь здесь и закончу свою смену.

– Как ваш работодатель я не могу с чистой совестью позволить вам работать с потенциально сломанными запястьем и лодыжкой. – И вот оно, еще одно закатывание глаз. Невероятно. – Вы поедете в травмпункт сию гребаную секунду!

У Лотти вспыхнули глаза. На карем фоне появились зеленые всполохи. Черт подери, да она настоящая красавица!

– Идите на вашу встречу! – парировала Лотти, и я вскинул брови.

– Позвольте напомнить вам, мисс Форест, – начал я тихо, но убийственно, – что вы работаете на меня. Приказы в этом доме отдаю исключительно я, и их следует исполнять. Если вы хотите и впредь на меня работать, порядок будет только такой. – Я тотчас пожалел о своей завуалированной угрозе. Лотти снова побледнела, да так сильно, что ее лицо посерело. Зеленые всполохи в карих глазах погасли, сменившись почти абсолютной паникой, и я чуть не задохнулся от отвращения к себе. На долю секунды Лотти глянула на мезонин, потом снова на меня. Не успел я увидеть, что привлекло ее внимание, Лотти села прямо и маленькой ладо-

шкой сжала мне запястье. И снова от ее прикосновения меня чуть током не ударило. У меня аж пульс подскочил, когда я почувствовал ее кожу на своей.

– Да, конечно, – пролепетала она голосом, из которого начисто исчез прежний запал, и у меня сердце екнуло. – Я понимаю. Я... уйду до конца дня. Сделаю рентген, обещаю! Н-но я не могу позволить, чтобы вы меня везли.

Я посмотрел на ее ладонь, сжимающую мое запястье, и Лотти тотчас меня отпустила. Когда наши взгляды встретились, время будто остановилось. От теплой кари ее выразительных глаз было невозможно оторваться. Чувство... внутренней связи охватило меня, даже чувство обладания. Но дело было не только в этом. Казалось, через эти карие глаза моя душа смотрит прямо ей в душу и просто говорит: «Ой, это ты. Вот ты где!»

В общем, я однозначно терял чертов рассудок.

– Дорогой, ты просто иди на свою встречу, – вставила мама. Лотти вздрогнула, и чары рассеялись. Боже, я ведь забыл о мамином присутствии. – Ты сам говорил, что она очень важна и Вики доверять дела нельзя.

Я раздосадованно поморщился. Нет, я точно не мог позволить Вики отправиться на собрание без меня.

– Ладно, – буркнул я и, глянув на свои ролексы, понял, что уже задерживаюсь: уехать я планировал еще пять минут назад. Я покачал головой, пробуя прийти в себя и игнорировать легкую панику, в которую впал из-за того, что Лотти пострадала. Она же моя уборщица, черт ее дерит! В последнее время эта уборщица слишком часто занимала мои мысли, чего я не мог позволить себе по отношению к молодой упрямой неряхе, которая не желала звать меня по имени. Поэтому я сознательно заглушил те мысли, что подстрекали отменить собрание, оставив Вики в дерьме, дабы позаботиться об уборщице, которой я даже не нравился. А еще я явно не исправил ситуацию, а лишь разозлил Лотти, потом напугал, пригрозив увольнением. – У меня все равно нет на это времени, – пробормотал я себе под нос, прежде чем снова повернуться к Лотти. – Вам лучше обратиться в больницу, – заявил я, для пущей выразительности ткнув в нее пальцем. – А ты, – я переключил внимание на маму, – проследи, чтобы она поехала на лимузине.

– Да, дорогой! – живо согласилась мама, что сразу же вызвало у меня подозрения. Как правило, моя мать покладистостью не отличается. На миг я взгляделся в нее, прищурившись, но мама лишь улыбнулась. – Езжай и заработай семье еще одну кучу денег! – Вот это было больше похоже на маму, которую я знал и любил. – Пока-пока!

Я переводил взгляд с мамы на Лотти, не в силах избавиться от ощущения, что происходит что-то мне непонятное, потом зашагал прочь из комнаты.

Разумеется, встреча обернулась полной катастрофой, потому что мыслями я был слишком далеко, чтобы помешать Вики всех оскорблять. Вместо дел я по-прежнему думал о том, как побледнела Лотти, нагружая лодыжку, и о том, почему она притворялась, что ей не больно.

Глава 3

Богачи безжалостны

ЛОТТИ

– Деточка, теперь ты можешь спуститься, – проговорила Марго, подняв голову к мезонину, и у меня упало сердце. Нас раскололи подчистую. Наверху никто не зашевелился, и я вздохнула, смирившись с тем, что потеряю работу.

– Все в порядке, Хейли, – заверила я. – Прятаться больше не надо. Наша игра окончена. Никто так и не зашевелился.

– Я, честное слово, не кусаюсь, – пообещала улыбающаяся Марго. – Если не спустишься, все печенье, которое я испекла, мне придется съесть самой, тогда моя попа станет еще толще и я не смогу кататься на своем коне Берти. – В ответ на это наверху зашебуршились. Хейли явно выманили разговоры о коне, а не печенье. Лошадьми она буквально бредила. Вот ее личико появилось между балясами, взгляд широко раскрытых глаз метался между Марго и мной. – Ну, давай спускайся! – решительно позвала Марго. – Не забывай, тебе нужно спасти мою попу и спину Берти. – Хейли посмотрела и, дождавшись моего кивка, повернулась и начала спускаться по лестнице.

– Осторожнее, Хейлз! – попросила я. Малышка глянула на меня, вскинув брови. Она словно говорила: «Я не дурашка вроде тебя. Я могу спуститься по лестнице, не оболванившись».

– Я отвлеклась, ясно? Не ожидала, что он окажется дома. Это стало для меня шоком.

Хейли закатила глаза: «Ты по жизни растяпа, даже без ужаса от того, что твой жестяковый герцог-работодатель напугал тебя до полусмерти».

– Да без разницы, – пробормотала я. – Можно подумать, ты никогда с лестниц не падала. Брови Хейли поднялись еще выше, и я раздосадованно фыркнула.

– Ладно, этого у тебя не отнимешь. Львиная доля генов координации, видимо, досталась тебе. – У Хейли были потрясающие координация движений и умение держать равновесие. Если бы могла себе позволить и уговорить Хейли ходить, я отдала бы ее во все существующие танцевальные клубы, теннисные и гимнастические секции. Но сестренка наотрез отказывалась и довольствовалась нашим с ней теннисом по субботам в парке, что с учетом моего полного неумения играть было неидеально.

Хейли направилась ко мне, и Марго откашлялась.

– Вы будто беседу ведете, а говорит лишь одна, – отметила она. – Невероятное зрелище.

Продолжая цепляться за Кита, Хейли обогнула диван, чтобы сесть рядом со мной. Я обняла ее неповрежденной рукой и прижала к себе.

– Марго, это моя младшая сестренка Хейли. К сожалению, она почти не разговаривает, – тихо сказала я. Хейли стиснула мне руку и, залившись нежным румянцем, уставилась в пол.

Добрые глаза Марго смотрели то на меня, то на Хейли. Она пошла к дивану и присела на корточки перед моей сестренкой.

– Ничего страшного, – тихо проговорила она. – По-моему, слишком много болтунов тут болтают о лошадях и толстых попах.

В ответ на это Хейли буквально на миг заглянула ей в глаза и слабо улыбнулась. Хейли редко улыбалась кому-то, кроме меня, и уж точно не в первые пять минут знакомства. Помимо меня, бабушки с дедом и школьных учителей, в жизни Хейли было не так уж много взрослых. Интерес бабушки и деда проявился лишь в последние шесть месяцев. Я призывала их дружить

с нами, но дело шло туго. Бренда с Тони ненавидели мою мать, а заодно и меня. В конце концов, как они частенько мне напоминали, они не мои бабушка и дед. Самое убедительное напоминание я получила несколько дней назад на Рождество. В жизни я нередко страдала от одиночества, но, пожалуй, тот день стал самым тяжелым.

– Марго, спасибо вам за то, что ничего не сказали сыну, когда заметили Хейли, – поблагодарила я. – Я не привела бы ее с собой, но... вчера вечером и сегодня утром у Хейли сильно болел живот, и я просто не могла отправить ее в школу в таком состоянии.

– Лотти, вообще-то мой сын – очень милый парень. Не понимаю, почему он ведет себя с вами, как деспотичный тиран из прошлого века, но, если нужно, вы можете брать больничный. Против такого он точно не станет возражать.

Я оторвала взгляд от Марго, чтобы посмотреть на Хейли, и откашлялась.

– Я... ну... рада это слышать, но... – Боже, как мне было неловко! Напрямую называть Марго лгуньей не хотелось, только я была уверена, что ее сыну не понравится, если я стану брать больничный. Я на собственном горьком опыте убедилась, что богачи безжалостны.

Я с содроганием вспомнила прощальную речь миссис Бьюкенен, своей последней работодательницы. «Боюсь, нам нужны надежные работники и такие... кто может соответствовать стандартам».

Упомянув соответствие стандартам, миссис Бьюкенен глядела на мои кроссовки с отрывающейся подошвой и на обтрепанные рукава джемпера, а я сгорала от унижения. Посмотрела бы я, как она «соответствует стандартам» в одежде при бюджете, на который я жила в ту пору. Мне на еду и на аренду едва хватало. Но, к сожалению, с упреками в ненадежности я спорить не могла. Когда я там работала, Хейли было еще хуже. Я заранее объяснила ситуацию Бьюкененам, и поначалу они, казалось, отнеслись с пониманием. Но в итоге чашу их терпения переполнил недельный отпуск, который я взяла ради похорон нашей матери. Миссис Бьюкенен просто надоело терпеть неудобства из-за моих «частых отлучек». Не улучшала мое положение и привычка ее мужа с нескрываемым интересом пялиться на мою задницу. Так что нет, я не собиралась попадать в ловушку, думая, что у меня есть право на ошибку. Все, хватит ошибок.

– Хейлз, может, книги посмотришь? – предложила я, откашлявшись, и легонько сжала ей руку. Хейли обожала книги, а вдоль одной из стен салона тянулись книжные полки от пола до потолка. У сестренки загорелись глаза, но потом она нахмурилась, снова посмотрела мне на лодыжку и закусила губу. – Малыш, я в порядке. – Хейли высвободила руку из моих тисков и подняла ее, вытянув мизинец. Я подцепила его своим мизинцем и шепнула. – Честно-престно. – Взгляд сестренки метался между мной и книгами, и я вздохнула. – Все в порядке. Иди глянь, вдруг у них есть «Черный красавчик»¹? – Это подействовало. Хейли снова посмотрела на полки и, наконец поддавшись соблазну, встала с дивана, прошла через комнату и начала рассматривать корешки.

Едва Хейли оказалась достаточно далеко, чтобы не слышать, я повернулась к Марго.

– Мне очень нужна эта работа, – шепнула я. Из-за недавних пререканий с герцогом у меня сосало под ложечкой. Злить его мне точно не хотелось, но он так мерзко командовал! Разумеется, герцог не должен был знать, ни что в мезонине прячется моя восьмилетняя сестра, ни что ехать в больницу без нее для меня невыносимо. Так что, думаю, моя вспышка показалась ему бессмысленной. Но, честное слово, отвали, парень! Я с десяти лет за собой присматриваю и точно справлюсь с легким растяжением запястья и лодыжки. Боже!

Взгляд Марго метался между мной и Хейли.

– Ваши родители? – шепотом же спросила Марго, и я покачала головой. Губы Марго сжались в тугую полоску, во взгляде появилась решимость. За время работы у герцога я успела понять, что Марго – что-то с чем-то. У нее имелся собственный дом за городом, но она про-

¹ Роман британской писательницы Анны Сьюэлл, написанный в 1871–1877 годах.

водила много времени в Лондоне. Ее излюбленным занятием было вмешиваться в дела сына и перекачивать его деньги в различные благотворительные организации, которые она учредила под именем Букингем. Марго была силой, с которой следовало считаться, и я подозревала, что мы с Хейли вот-вот испытаем это на себе.

Глава 4

Тебе ведь уже за двадцать, маргаритка невинная

ЛОТТИ

Я ненавидела работу официантки. Во-первых, мне приходилось оставлять Хейли с Адой, нашей сумасшедшей восьмидесятидвухлетней соседкой. Ада не возражала. Да и присматривать за Хейли было несложно: она ложилась спать в половине восьмого, так что Аде нужно было лишь сидеть у меня в квартире и есть мою еду, что Ада делала с удовольствием – я знала, что в ближайшем будущем меня ждет еще один поход в супермаркет, и лучше бы мне не потратить больше пятнадцати фунтов, оставшихся до конца месяца. А еще работа официанткой отнимала время по вечерам, когда я могла выполнять задания Открытого университета, где последние два года заочно училась на факультете психологии. На учебу требовалось около шестнадцати часов в неделю; благо часть их можно было совместить с работой в Букин-гем-хаусе (если честно, герцог в уборщице не нуждался, его дом сверкал чистотой; как я уже говорила, аристократы – люди чудные), только все равно в основном заниматься приходилось поздно вечером.

Но работу официанткой я ненавидела бы и без всего этого. Моей задачей было привлечь к себе поменьше внимания. Я надеялась, в этом мне поможет мой вид: белая блузка, черная юбка, буквально кричавшие о том, что я обслуживающий персонал, низкий хвост, минимум косметики. Выпивку я старалась разливать, не глядя посетителям в глаза. Никаких улыбок. Оставалось надеяться, что моя смена не обернется полной катастрофой...

– Мать вашу, видели, какая телка сегодня наливает?

Ну вот. Не привлекать внимания получалось хуже, чем я надеялась. Нервно сглотнув, я направилась к следующей группе посетителей, среди которых был парень, назвавший меня телкой. Он сидел спиной ко мне и явно не подозревал, что я рядом. Я с удовольствием бы просто сбежала от них, но у всей компании были пустые бокалы, а у меня в руках – полная бутылка шампанского. Сбежать означало бы, не обслужив их, пройти мимо в другую часть зала, что выглядело бы слишком очевидно и странно. Поэтому я нервно сглотнула и направилась к ним.

– Шампанское? – тихо предложила я, не поднимая глаз и надеясь, что щеки у меня не слишком красные.

Кто-то из той группы смущенно откашлялся, вероятно догадавшись, что я слышала про телку. Кто-то буркнул «да», и я стала наполнять бокалы. Шампанское, увы, быстро не нальешь, а раз мне протянули несколько бокалов, значит, я застряла у их столика.

– Видишь, о чем я? – спросили тем же голосом, что прежде, и я вздрогнула, едва не промахнувшись мимо следующего бокала. Спрашивающий был явно не из числа смущающихся.

– Класс! – прошипел его приятель знакомым мне голосом, и у меня, наливавшей шампанское нетвердой рукой, сердце упало. Я так и не разглядела их лица, не только потому, что сосредоточилась на бокалах, но и потому, что все они были куда выше меня.

– Что классно, Блейк? – Я удивилась, услышав женский голос, и, на миг подняв взгляд, обнаружила, что к группе присоединилась блондинка. Девушка была просто очаровательна. Такие красавицы в реальной жизни мне не встречались. Длинное черное платье обтягивало ее стройное тело, волосы были собраны сбоку в блестящий пучок.

– Да ничего, Викс, – с пренебрежением ответил Блейк, и блондинка, склонив голову набок, уставилась на него – на лбу у нее аж морщины прорезались.

– Шампанское? – предложила я, откашлявшись, и пронзительный взгляд ее знакомых ярко-голубых глаз скользнул ко мне.

– Привет, – сказала она, немного смущая меня немигающим взглядом.

– Эм... ну... привет, – отозвалась я, удивленная, что ко мне обратились напрямую. В барах никто к официанткам напрямую не обращается, особенно дамы.

– Ты очень красивая, – проговорила блондинка, и я снова захлопала глазами. Кто-то в ее компании подавил смешок, который я проигнорировала.

– Спасибо. – Я наклонила голову набок и пригляделась к блондинке. – Вы тоже.

– Да, – просто согласилась она.

– Чертовски странно, – пробормотали рядом со мной, но блондинка, похоже, не заметила, продолжая смотреть мне в глаза.

– Мне... эм... нужно идти, – глупо проговорила я, приподняла бутылку с шампанским и легонько махнула ей, показывая, что мне вообще-то пора работать. Блондинка продолжала тарашиться. Ла-а-адно. Я отошла к следующей группе и снова стала почти невидимой.

После пары часов работы я по-настоящему возненавидела свои туфли. Лодыжка, хоть и не сломанная, болела, а четырехдюймовые каблукы никак не шли ей на пользу. Когда менеджер по кейтерингу выставил высокие каблукы необходимым условием, я была готова сказать ему, куда засунуть свою работу, но потом взглянула на счет за электроэнергию и передумала. Еще беспокоило запястье. Разумеется, с лестницы я упала на рабочую руку, на ту самую, которой разливала шампанское.

Я взглянула на большие, богато украшенные часы на стене: до конца смены два часа. Я, конечно, справлюсь. И не с таким справлялась. Я встряхнула запястье, взяла полную бутылку шампанского и снова ринулась в бой. Проблема заключалась в том, что к этому времени все гости успели хорошенько набраться и раскрепоститься.

Пробираясь сквозь толпу, я сталкивалась со все более откровенными попытками заглянуть в вырез моей блузки, порой даже со стороны мужчин, которых явно сопровождали жены. Еще попадались стоявшие слишком близко, нюхавшие мои волосы (буэ!), обступавшие меня так, что приходилось протискиваться мимо, а значит, «случайно» тереться о них грудью. Все это очень раздражало, и я понемногу теряла самоконтроль. Поэтому, когда я, сбежав от особо неприятной компании, покачнулась на каблуках и чья-то крупная ладонь схватила меня за плечо, не давая упасть, моя реакция была машинальной. Развернувшись, я ударила хватуна бутылкой шампанского, к счастью пустой.

– Лотти, это я, – знакомый бархатный голос пронзил насквозь, на меня уставились ярко-голубые глаза герцога. Он отпустил мое плечо и поднял обе руки в знак капитуляции. – Простите! – Для человека, которого только что ударили тупым предметом, он говорил на удивление мягко. – Я не хотел вас напугать.

Я смотрела на герцога, вытаращив глаза, потом отступила на шаг, и он нахмурился. Нервно сглотнув, я попыталась заговорить.

– Вы потребуете моего увольнения? – спросила я.

– Лотти, я...

– Прошу вас! – в отчаянии перебила его я. – Умоляю, не жалуйтесь на меня менеджеру. Мне очень нужна эта работа.

– Хорошо, Лотти, – проговорил герцог с той же мягкостью. – Отдышитесь. Слышите меня? Я извинился перед вами. Обычно я не... – Он осекся и поднял руку к затылку. – У меня нет привычки приставать к женщинам, ясно? Просто мне показалось, что вы можете упасть, ну и... вероятно, вы не в лучшей форме из-за свой неуклюжести. – Герцог слабо улыбнулся, и у меня во рту пересохло. Ешкин кот, этот парень был просто нереально красив. Откашлявшись, я перехватила бутылку шампанского. Мне следовало взять себя в руки.

– Ну... эм... спасибо. – Я огляделась по сторонам и закусила губу. Похоже, мы привлекли к себе немало внимания. Черт, я надеюсь, что Мудак Томас не видел, что случилось. Ничего хорошего моей работе в баре это не сулило. Нам вбивали в головы, что этот бар – заведение эксклюзивное, что посетители почти сплошь звезды или члены королевской семьи, что деликатность совершенно необходима, что клиент всегда-превсегда прав. Ни в одном из своих инструктажей Мудак Томас не упоминал, что бить посетителей, особенно де-факто королевских особ, бутылками шампанского считается приемлемым. – Я, пожалуй, пойду. – Я махнула бутылкой, растянула губы в улыбке и попятилась от герцога. К сожалению, моя лодыжка до сих пор негодовала из-за каблуков, и я морщилась, когда наступала на нее, отдавая себе полный отчет в том, что до сих пор нахожусь под пристальным взглядом ярко-голубых глаз.

– Вам нужно разгрузить ногу, – посоветовал герцог, преграждая мне путь к отступлению. Теперь мы по-настоящему привлекали к себе внимание.

– Я в полном порядке, – парировала я сквозь фальшивую улыбку, не в силах скрыть раздражение.

– А каблуки вам носить нельзя, – продолжал герцог, будто не услышав моих слов. – Даже если бы вы не ушибли лодыжку, каблуки вам нельзя носить никогда. Вам и без ходуль хватает проблем с поддержанием вертикального положения.

– Обычно я не такая неловкая, – заявила я, не подумав. – Это только когда вы рядом... – Опа! У меня глаза на лоб полезли, потому что герцог вскинул бровь, а его слабая улыбка стала больше похожа на ухмылку.

– Да неужели? – негромко спросил он. – Вы неловки, только когда я рядом? Вот это интересно.

– Гроби отсюда! – буркнула я, и герцог улыбнулся еще шире.

– Грести отсюда? Без весел? Не представляю, как это. Вы умеете?

Я почувствовала, что краснею. Мне следовало ругаться по-взрослому, но альтернативные варианты ругательств, которые я придумала ради Хейли, слишком прочно во мне укоренились.

– Старина, вот ты где! – Один из мрачных парней, которых я видела раньше, похлопал герцога по спине и заслонил его от меня. – Как прошла лексингтонская сделка? Тот участок уже одобрили под реконструкцию? Козлы-чиновники все стараются тебя кинуть?

Вот это был гораздо более характерный образчик местных посетителей: такие с удовольствием заглянут мне в вырез блузки, облапают, если получится спустить это на тормозах, а при других обстоятельствах о моем существовании почти не вспоминают. Если, конечно, выпить не хотят.

– Джайлс, я немного занят, – процедил сквозь зубы герцог. – Давай лучше?.. – Остальное я не слышала, потому что растворилась в толпе гостей с максимальной для моей ковыляющей походки скоростью.

Еще час мне удавалось прятаться от герцога, но он настиг меня в самой унижительной ситуации. К тому времени была почти полночь, шампанское лилось рекой, и благодаря этому прежняя раскрепощенность теперь граничила с откровенной жестокостью.

– Иди в зал и уж вспомни о своих служебных обязанностях! – зло велел Мудак Томас, всучив мне очередную порцию напитков.

– Мне бы очень не хотелось снова обслуживать ту компанию, – процедила я сквозь зубы.

– Не ной! – велел Мудак Томас с презрением. – Тебе ведь уже за двадцать, маргаритка невинная. Раз не можешь справиться с шаловливыми ручками, не приходи сюда больше. Многие девушки и не с таким смиряются ради чаевых, которые вам здесь дают.

Спорить не стоило, поэтому я расправила плечи и захромала к указанной мне группе гостей – к столику, за которым сидели только мужчины, одним из которых был мистер Бьюкенен (без жены), другим – мерзкий Джайлс.

Пару часов назад я уже видела Бьюкененов вместе, и они меня проигнорировали, только мистер Б. заглянул мне в вырез блузки. Либо миссис Б. надоели гадости мужа и она ушла домой; либо он отослал ее, чтобы безнаказанно вести себя как мерзавец. Его дружки были из того же теста. Знаю я таких богатиков. Остаток вечера проведут, пустившись во все тяжкие. Следующей остановкой у них будет стрип-клуб или бордель.

– Она вернулась! – заорал один из дружков мистера Б., когда я приблизилась к их столику. Я скупно ему улыбнулась, заставляя себя снова стать невидимой. Я несла поднос с напитками, и запястье разрывалось от боли.

– Мытье туалетов закончено? – поинтересовался мистер Бьюкенен, и его дружки засмеялись. – Жаль, что Вирджиния тебя уволила. Здорово было иметь в доме такую красотку.

– Везунчик, – пролепетал Блейк, зять Олли. Он выглядел хуже своих дружков: с трудом держал голову и практически сползал со стула.

– Извините, – пролепетала я, стараясь поставить поднос на стол, но эти ублюдки задачу мне не облегчали. Стол заполонили пустые стаканы – поднос устроить негде. Освободить место никто не удосужился. Меня к столу-то едва подпустили – пришлось протискиваться меж двумя хлыщами, восседавшими на кожаных стульях, словно короли вселенной, коими они себя явно считали.

– Похоже, ты, дорогуша, плохо убирала, – с ухмылкой отметил один из хлыщей, а помочь мне никто даже не попытался. Я вздрогнула, когда крупная ладонь сжала мне ногу под коленом. Когда я хмуро глянула на Джайлса и попыталась вырваться, меня стиснули сильнее, так что могли остаться синяки.

– Пустите! – выпалила я. Теперь запястье заболело по-настоящему, а поднос зашатался.

– Эй-эй! – воскликнул один из мужчин, когда напитки опасно покачнулись. – Осторожнее, дорогуша! – Ладонь скользнула выше и стиснула меня еще крепче. От этого вкупе с запахом алкоголя у меня скрутило живот, и я молилась, чтобы меня не вырвало.

– Пожалуйста! – проглотив гордость, я не гнушалась мольбы. – Не могу... – Я снова вздрогнула, потому что потная ладонь двинулась выше. Мне повезло, что в том фужере было красное вино, а упал он не на одного из тех хлыщей. Нет, он упал на меня. Я охнула, когда содержимое высокого фужера впиталось мне в белую блузку. Наслаждавшиеся происходящим хлыщи заулюлюкали. Прежде чем запястье окончательно отказалось работать, поднос вырвали у меня из рук и швырнули на стол прямо поверх опустевших фужеров, расплескав содержимое большинства принесенных. Раздались крики, когда шампанским окатило всех сидевших за столом.

Мою ногу тотчас отпустили, и, отшатнувшись, я увидела, что герцог возвышается над Джайлсом и держит его руку железной хваткой. Одним резким движением герцог стащил Джайлса со стула, заломил ему руку за спину под неестественным углом и толкнул его лицом в бардак на столе. Джайлс вырывался, но герцог удерживал его без видимых усилий. За столиком воцарилась тишина. На деле, тишина воцарилась во всем баре.

– Джайлс, извинись перед дамой, кусок дерьма ты эдакий, – голос герцога звучал пугающе спокойно, словно он и не собирался сломать бедняге руку или не прижимал его лицом к мокрому столу.

Глава 5

Мир устроен не так

ЛОТТИ

– Черт, Олли, моя рука! Я... – Джайлс вскрикнул, когда герцог перехватил его руку, заломив назад так, что, казалось, вот-вот вывихнет плечо.

– Нет, – медленно проговорил герцог, которому, похоже, не требовалось особых усилий, чтобы удерживать Джайлса на месте. – Умолять будешь через секунду. Сперва извинись перед дамой.

– Мать твою, ты руку мне сломаешь! – вскричал Джайлс.

– Тогда, Смит, лучше не тяни резину, – посоветовал герцог. – Извиняйся прямо сейчас, черт подери!

– Извини! – выпалил Джайлс. – Ради бога, извини, ладно?

Запах красного вина был невыносим, и я всерьез опасалась, что меня сейчас вырвет или что я упаду в обморок. Но я не могла позволить герцогу сломать Джайлсу руку, как бы сильно тот этого ни заслуживал. Наблюдая за происходящим, все сидящие за столом застыли от ужаса. Казалось, мистера Бьюкенена тоже сейчас вырвет, а лицо Блейка приобрело неестественный зеленоватый оттенок.

– Олли! – тихо позвала я и шагнула вперед, чтобы положить ему руку на плечо. Я почувствовала, как напряглись его мышцы под тканью костюма. – Пожалуйста, отпустите его. Я в порядке.

Герцог захлопал глазами, услышав, что я назвала его по имени. Я пошла на это, чтобы привлечь его внимание, и трюк сработал. Герцог окинул меня хмурым взглядом.

– Нет, вы не в порядке, – заявил он. – Прекратите утверждать, что вы в порядке, когда вы не в порядке. Это выводит из себя.

Я слабо улыбнулась. Джайлс продолжал рваться из тисков Олли, а тот словно и не замечал, полностью сосредоточив внимание на мне.

– Ладно, я, может, и не в порядке. Но пожалуйста... на нас все смотрят.

– А мне плевать.

Я сжала ему плечо.

– А мне нет. И я... ну... неважно себя чувствую. – Волна головокружения и тошноты накрыла меня, и я зашаталась. Запах вина и боль понемногу меня доканывали.

– Черт! – пробормотал Олли и наконец отпустил Джайлса, чтобы осторожно поддержать меня, подхватив за локти.

– Меня сейчас стошнит, – едва успела пролепетать я, как Олли обнял меня и повел через зал. Когда я споткнулась, он взял меня на руки и понес. Я чувствовала себя слишком ужасно, чтобы отстраниться, поэтому просто позволила Олли прижать меня к груди и вдыхала божественный аромат его лосьона после бритья, чтобы заглушить запах красного вина, который, увы, оказался слишком сильным. Вместо того чтобы зайти в общественный туалет, Олли пронес меня за дверь с надписью «Посторонним вход воспрещен», по коридорчику и в большую комнату. Слава богу, там оказался санузел. Оттолкнув Олли, я влетела в него, захлопнула за собой дверь и в обратном порядке выпустила из себя ланч, не беспокоясь о том, что Олли за хлипкой дверью и может услышать, как меня рвет. Поужинать я сегодня не успела – хоть какой-то плюс.

Когда рвота закончилась, я спустила воду в унитазе, умудрилась прополоскать рот, но, вдохнув запах красного вина, снова почувствовала тошноту. Алкоголь я не могла употреблять по веской причине: его запах вызывал такие ужасные воспоминания, что игра не стоила свеч. Но сейчас, когда промокла вся моя блузка, я не могла от него избавиться. Недолго думая, я сорвала с себя блузку, швырнула в угол санузла, схватила полотенце с ближайшего держателя и, прижав его к груди, опустилась на холодный кафельный пол.

Из-за двери послышался звучный голос Олли.

– Лотти, с вами все в порядке?

– Нет, – шепнула я так тихо, что герцог услышать не мог. – Со мной не все в порядке. Моя жизнь – полное дерьмо, и я не знаю, как из него выползти.

Я закрыла глаза и позволила слезинке скатиться по щеке. Буквально пара секунд жалости к себе, и я снова стану «сильной, компетентной, способной заботиться». Я фыркнула. Увидели бы меня сейчас работники органов опеки, они снова подали бы все свои заявления о том, что Хейли нужно у меня отнять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.